

В свое время в Ецзине Ань Чанцин устраивал бесплатные кухни и раздавал зимнюю одежду, спасая во время снежной бури немало человеческих жизней, и жители столицы глубоко хранили в сердцах благодарность за его доброту. Позже до них дошли вести о том, что на границе вспыхнули тяжелые бои и запасы провизии истощились. И снова именно ванфэй собрал провиант и лично отправился на рубежи империи, что вызвало у людей еще более глубокий вздох восхищения и уважения.

Прежде, читая лубочные романчики, горожане лишь думали, что ванфэй прекрасен ликом и добр сердцем, словно сошедший с небес небожитель. Но пережив снежное бедствие и войну на севере, жители Ецзиня были готовы возвести Ань Чанцина в ранг святого бодхисаттвы, спасающего от страданий, разве что поминальной таблички с пожеланием долголетия не поставили в домах для ежедневных молитв.

И вот теперь, видя, что он наконец вернулся в столицу, встречать его высыпал народ со всех сторон. Некогда укрытые его благодеяниями во время снежного бедствия горожане падали на колени прямо на улице, бясь лбом о землю и во весь голос выкликая слова благодарности.

Прежде широкая улица Чанлэ оказалась настолько забита толпой, что и яблоку негде было упасть: каждый рвался вперед, желая хоть краем глаза взглянуть на ванфэй.

Из-за волнений в толпе экипаж был вынужден сбавить ход. Услышав шум, Ань Чанцин высунулся из окна. Увидев, как горячо устремились к нему взоры окружающих, он на миг оторопел, но быстро опомнился и открыто, тепло им улыбнулся.

Какая-то смелая девица сорвала с головы шелковый цветок и бросила его в сторону кареты, после чего быстро скрылась в толпе. С ее легкой руки один за другим люди вдоль всей дороги стали бросать в карету шелковые цветы. Сяо Чжигэ, едва удерживавший бесстрастное выражение лица, окончательно омрачился, когда заметил, что цветы бросают и мужчины.

Он не позволил Ань Чанцину снова приподнимать занавеску и с мрачным видом сопровождал кортеж до самого поместья князя.

Жаль только, что ныне молва о мудрости и милосердии Бэйчжань-вана гремела ничуть не меньше, чем о ванфэй. Все вокруг шептались, будто Бэйчжань-ван лишь с виду суров, а сердце у него доброе, и потому теперь не слишком-то боялись его холодного лика.

Карета въехала прямо во двор поместья. Лишь тогда Ань Чанцин приподнял шторку и сошел на землю. Взглянув на ворох пестрых шелковых цветов и платочков у передней части кареты, а затем на мрачнее тучи Сяо Чжигэ, он наконец не сдержался и тихо расхохотался.

— Князь, с чего это вы ревнуете на пустом месте? — невинно спросил Ань Чанцин.

Сяо Чжигэ посмотрел на его прищуренные от смеха глаза, поджал губы и подумал: «Молоденькие девушки — это еще куда ни шло, но когда даже мужчины смеют бросать цветы, какая же это ревность на пустом месте?»

Бэйчжань-ван плотно сжал губы, внутренне насторожившись на все сто двадцати процентов, однако виду не подал. Вместо этого он взял его за руку и произнес:

— Пока тебя не было, я немного обустроил поместье. Посмотри, нравится ли тебе. Если что-то не по душе, кликнем мастеров, и они все переделают.

Они с Ань Чанцином шли впереди, а кормилицы с двумя детьми на руках следовали за ними.

Семья из четырех человек направлялась в главный корпус. В этот раз госпожа Юй и Ань Сяньйой не вернулись: Ань Сяньйой не могла оставить дела в Женской школе, а госпожа Юй тревожилась за дочь, остававшуюся одной, и решила остаться с ней. Ань Чанцин к тому же рассудил, что его возвращение в Ецзин может снова спровоцировать смуту, и потому с легким сердцем оставил их в Яньчжоу.

Войдя в дом, Ань Чанцин ахнул от изумления, разглядывая преображенный двор. В его памяти — как в прошлой жизни, так и в этой — этот мужчина никогда не отличался любовью к роскоши. Но убранство поместья сейчас выглядело поистине расточительным.

В комнате не стояли жаровни, но при входе в лицо сразу ударило приятное тепло: очевидно, под полами провели теплые каналы. К теплу примешивался легкий, свежий и тонкий аромат — тот самый, который Ань Чанцин любил и использовал каждый день.

Слуги с былых времен ловко подскочили и приняли у него снятый плащ. Не останавливаясь, Ань Чанцин прошел во внутренний покой и увидел, что тот тоже преобразился до неузнаваемости. Расположение вещей осталось прежним, но вся мебель и утварь были заменены на более дорогие и новые.

— Нравится?

Ань Чанцин оглянулся на него. Готовое сорваться с языка «слишком расточительно» он проглотил, улыбнулся и ответил:

— Нравится. Вот только где будут спать дети?

В комнате явно не было детских колыбелей.

Взгляд Сяо Чжигэ на мгновение вильнул, но затем он совершенно уверенно произнес:

— Я немного переоборудовал боковой флигель. Пусть впредь живут там вместе с кормилицами.

Не успел Ань Чанцин выразить сомнения, как тот уже повел его в соседний флигель. Там тоже провели обогрев полов, постелили мягкий ковер, и кроме двух изящно вырезанных детских кроваток в комнате стояло множество диковинных и забавных игрушек, и даже две весьма реалистичные деревянные лошадки.

Сяо Чжигэ проговорил:

— Пока они маленькие, пусть живут при главном дворе. Когда Чжу-эр подрастет, расселим их по отдельным дворам. — Разумеется, еще вероятнее было то, что к моменту, когда дети подрастут, им уже не придется жить в поместье князя.

Прожив в браке так долго, Ань Чанцин ли не знать помыслов своего супруга? Этот человек явно посчитал, что двоим малышам не место у них под ногами. Покосившись на него с полминуты, Ань Чанцин все же кивнул.

Осмотрев двор, Ань Фу привычно распорядился слугами, чтобы те аккуратно разложили вещи. Дети, попив молока из рук кормилиц, снова уснули, и Ань Чанцин с Сяо Чжигэ отправились ужинать.

После ужина стемнело. Навестив малышей, супруги вернулись в главный покой готовиться ко сну.

Днем при людях говорить обо всем было неудобно, и теперь, когда слуг отослали и они остались вдвоем, на лице Ань Чанцина выступила легкая тревога:

— С возвращением в Ецзин существование двоих детей уже не утаишь. Что мы скажем людям снаружи?

Он беспокоился об этом еще в дороге, но полагал, что раз Сяо Чжигэ велел им вернуться, то наверняка придумал решение, а потому на время подавил тревогу.

Однако сегодня слуги сновали туда-сюда, и по поведению Сяо Чжигэ было видно, что тот не собирается ничего скрывать, отчего Ань Чанцин снова заволновался.

Сяо Чжигэ посмотрел на него и вместо ответа спросил:

— Но-но, а ты сам как думаешь?

Ань Чанцин размышлял об этом в пути и, услышав вопрос, нерешительно произнес:

— Сказать, что ты усыновил их во время подавления мятежа на юге?

Сяо Чжигэ качнул головой:

— Если в будущем все задуманное свершится, А-Хэн станет моим единственным наследником. Если сейчас объявить его усыновленным, это создаст ему лишние препятствия на пути.

Ань Чанцин, разумеется, тоже обдумывал этот вариант и понимал, что тот скорее всего не подходит. Тогда оставался лишь один путь. Он опустил ресницы и с неохотой проговорил:

— Тогда скажем... будто их родила женщина, которую ты пригрел в Яньчжоу, но при родах она скончалась.

— Тоже не годится, — качнул головой Сяо Чжигэ. — У родной матери не будет даже законного статуса, а значит, ребенок не сможет считаться рожденным от законной жены.

Ань Чанцин немного пал духом и уставился на него:

— Тогда скажите, князь, каков ваш расчудесный план? Не можем же мы заявить, будто их родил я!

Кто ж знал, что Сяо Чжигэ лишь улыбнется:

— Почему не можем? Ты рисковал жизнью, рожая их, не отдавать же их чужой женщине в матери.

Ань Чанцин остолбенел:

— Но если мы скажем так...

В лучшем случае никто не поверит. В худшем... Не только его сочтут оборотнем или чудовищем, но и Сяо Чжигэ, женившегося на нем и родившего с ним детей, это затронет.

От автора:

Сонсон: Но-но — спустившийся на землю небожитель, что такого в том, что он родил ребенка?

Простые люди: И то правда! Обычные люди захотят — и то не смогут родить! Темнота! Экая невидаль! (Закатывают глаза)

Ань Чанцин вовсе не то чтобы не хотел открыто и честно объявить всем, что это его дети. Просто он и сам до конца не понимал происхождения племени цзяожэнь и деторождения у мужчин, поначалу даже находя это пугающим и абсурдным. Что уж говорить о посторонних людях!

Они не стали бы разбираться, кто такие цзяожэни, их охватил бы страх перед нечистью. Его посчитали бы демоническим выродком — и не только его, но и двоих детей, и даже Сяо Чжигэ, вступившего с ним в брак. Их всех могли клеймить нечистой силой.

Ань Чанцин прежде читал немало старых преданий, где описывалось, как темные, невежественные деревенские жители сжигали на кострах тех, кого считали оборотнями.

Сяо Чжигэ — императорский сын и обладатель огромной военной власти, возможно, не боялся молвы простых горожан, но чиновники при дворе точно воспользуются этим, чтобы обрушиться на него с нападками. И даже если в будущем Сяо Чжигэ взойдет на престол, волна протестов окажется куда сильнее, чем в прошлой жизни.

Все эти тонкости Ань Чанцин давно просчитал в уме, поэтому, хотя предложение Сяо Чжигэ и было несказанно заманчивым, он долго колебался, покусывая губы, и в конце концов качнул головой.

Темные, глубокие глаза Сяо Чжигэ, казалось, насквозь видели его тревоги. Он склонил голову, прикоснувшись своим лбом к его лбу, и тихо усмехнулся:

— Но-но, не бойся. Раз уж я смею признать это, то никогда не позволю, чтобы на тебя и детей пало дурное имя.

Он медленно изложил свой замысел Ань Чанцину.

— Ты ведь читал те романчики о нас двоих, что ходят по Ецзиню?

Не понимая, к чему тот вдруг завел об этом речь, Ань Чанцин поджал губы и кивнул. Разумеется, он отыскивал их и читал... И то, что там было написано...

Сяо Чжигэ тихо засмеялся, обнял его и, пристроив подбородок в ложбинке его шеи, продолжил:

— В тех романчиках говорится, будто ты — сошедший на землю небожитель...

<http://bllate.org/book/18381/1767882>